

1944[Антанас Венцлова. Мария Мельникайте.](#)**1945**[Всеволод Вишневский. Привет 1945-му – году Победы!](#)[Илья Эренбург. 24 января 1945 года.](#)[Борис Горбатов. В районах Берлина.](#)[Борис Горбатов. Капитуляция.](#)**1944****Антанас Венцлова. Мария Мельникайте.**

Уже в первый день войны полыхали огнем литовские деревни и города, подожженные бомбами фашистских самолетов и артиллерийскими снарядами. Страшными массовыми убийствами ни в чем не повинных людей в Паланге, Каунасе, Вильнюсе, Укмерге и других местностях враги стремились сломить сопротивление литовского народа. Но литовцы, на протяжении двухсот лет упорно боровшиеся [198] с крестоносцами, были далеки от мысли подчиниться последышам псов-рыцарей – гитлеровским разбойникам.

Первые небольшие партизанские отряды в Литве начали действовать уже в самом начале войны. Под влиянием побед Красной Армии партизанское движение здесь выросло настолько, что для подавления его уже недостаточно обычных карательных отрядов. Оккупанты посылают против партизан регулярные войска, оснащенные артиллерией, танками и самолетами, сжигают деревни и истребляют жителей. Слава о подвигах партизан «Жальгириса», «Маргириса», «Вильнюса», «За Родину» и других отрядов разносится по всей Литве. Всевозрастающий фашистский террор, с одной стороны, а с другой – надежда на скорое освобождение приводят в ряды партизан сотни и тысячи новых борцов.

Среди этих тысяч в памяти литовского народа, как сверкающий алмаз, будет вечно сиять имя героической литовской девушки Марии Мельникайте.

Мария родилась в 1923 году в Восточной Литве, в одной из прекраснейших местностей края – Зарасай, в семье рабочего-слесаря. Она рано узнала нужду и горечь чужого хлеба.

Зимой Мария посещает начальную школу, а летом идет на работу к кулакам – пасет скот, нянчит чужих детей. Едва лишь успев выйти из детского возраста, за жалкие гроши она работает на конфетной фабрике упаковщицей. Только при Советской власти Мария, все время страстно стремившаяся к образованию, получает возможность учиться дальше. Она посещает вечерние курсы, много читает. Мария знает, что ей уже не придется пройти тяжелый жизненный путь ее матери, быть служанкой у богачей. Она вступает в ряды комсомола, и перед глазами молодой работницы раскрываются красота и глубокий смысл новой жизни. Но ей недолго приходится радоваться своему счастью. Начинается война. Уже в самом начале военной бури ее родной город был превращен в груды пепла.

Вместе с другими не успевшими эвакуироваться юношами и девушками Мария уходит в подполье. Гитлеровские разбойники в Литве свирепствуют. Из дня в день они расстреливают, вешают лучших сыновей и дочерей Литвы, охотятся за молодежью и угоняют ее на каторгу. Тюрмы и концентрационные лагеря переполнены. Литва, которую [199] Мария любит со всей страстностью своего двадцатилетнего сердца, залита кровью, превращена в дымящиеся развалины, среди которых вырастают все новые и новые могилы.

Мария начинает организовывать молодежь на борьбу с врагами. До Литвы долетают вести о разгроме фашистов под Москвой, а затем – и у Сталинграда. Соппротивление населения гитлеровцам все возрастает по мере того, как растет надежда на освобождение. Катятся под откос вражеские эшелоны, взлетают в воздух военные склады оккупантов. Партизаны неуловимы. И захватчики еще более усиливают террор против мирного населения.

Мария Мельникайте – одна из самых активных партизанок в Литве. Она возглавляет партизанский отряд. Своей отвагой, стойкостью, верой в победу вдохновляет молодых товарищей. А когда ее вместе с отрядом окружают фашисты у широкой, разлившейся в весеннем паводке реки, Мария призывает товарищей уйти от лютого врага, переплыть реку. Как всегда, первая подает пример – сбрасывает одежду, бросается в ледяную воду и, уцепившись за проплывавшее бревно, добирается до другого берега. Таким же образом спасают свою жизнь и другие.

Наступает роковой день – 8 июля 1943 года. Мельникайте вместе с пятью товарищами уходит на выполнение боевого задания. Карательные части, уже давно выслеживавшие отряд, нападают на его след. В роще каратели окружают маленькую группу партизан. Нет пути к отступлению – со всех сторон враги. И горсточка литовских партизан, воодушевляемая отважной девушкой, в течение целого дня ведет героическую борьбу с превосходящими их по численности силами. В неравной борьбе гибнут один за другим смертью храбрых все пятеро товарищей Марии. Мария еще жива. Она сражается до последнего патрона. От ее руки находят смерть семь фашистских палачей. Когда кончились патроны, Мельникайте отбросила автомат и метнула в подползавших врагов гранату, от которой погибло еще несколько гитлеровских бандитов. Увидев, что ей угрожает опасность попасть в руки врагов, тяжело раненная, обливающаяся кровью, Мария пытается взорвать себя, но не хватает сил выдернуть чеку гранаты.

Начинается последний акт жизни и борьбы героической партизанки. Мария Мельникайте – в когтях гестапо. Кто [200] такая, откуда она, кто ее товарищи, от кого получили оружие? Мария смело смотрит палачам в глаза. Она чувствует всю безысходность своего положения, но вместе с тем и величие своей борьбы и все моральное убожество подлых врагов. «Я не боюсь умереть, – спокойно отвечает она, – от меня вы ничего не узнаете».

Долго продолжают пытки. Кажется, что проходит целая вечность. Агенты гестапо переламывают ей пальцы, жгут ей ноги, вырезают груди. Мария, крепко стиснув зубы и полным ненависти взглядом окидывая своих палачей, до конца стойко прошла свой тернистый путь мучений. Услышав смертный приговор, Мельникайте сказала палачам:

— Я боролась и умираю за Советскую Литву! А вы зачем сюда пришли, что вы делаете в нашей Литве, фашистские псы?

И, все так же высоко подняв голову, Мария пошла на виселицу, поставленную на площади небольшого местечка Дукштас. Когда петля палача захлестнула ее девичью шею,

героическая девушка, в последний раз бросив взгляд на родное небо и людей, которых согнали смотреть на казнь, воскликнула:

— Да здравствует Советская Литва!

Это было 13 июля 1943 года.

Навеки запомнили этот день жители Дукштаса. Этот день запомнил весь литовский народ.

Имя Героя Советского Союза Марии Мельникайте стало близким и родным всем советским людям.

24 марта 1944 года

1945

Всеволод Вишневский. Привет 1945-му – году Победы!

Минул великолепный грозовой 1944 год, ознаменованный десятью разящими ударами Красной Армии – от Северного Ледовитого океана до берегов голубого Дуная – и встречным смелым, грандиозным броском англо-американских и французских войск от Ла-Манша до Рейна.

1944-й начался незабываемым ударом Ленинграда. Девятьсот дней блокады перенес этот город – и силы, поистине львиные, не убавились. И город доказал это, раздробив, размолов в щебень и пыль так называемое «стальное кольцо» немцев. Поход на Ленинград обошелся Гитлеру в один миллион солдат и офицеров. Кровавые неудачи заставили Гитлера снимать командующих группы «Норд» одного за другим.

Славно разделался город Ленина с немцами, протянувшими руку к алому знамени на Смольном, славно!..

Был 1944 год свидетелем славных, победных битв на Украине – и будто по сей день слышится за Днепром, по-над Бугом и на Днестре хруст костей сотен тысяч немцев, попавших в русскую мертвую хватку, по-немецки обозначаемую термином «котел».

Видел ушедший 1944-й освобождение Крыма и многострадального и знаменитого Севастополя.

Видел 1944-й и новые подвиги Ленинграда: прорыв четырех сильных линий на подступах к Выборгу и бросок через быстрюю Нарву – в глубь Прибалтики – до самого Рижского [334] взморья. Первыми победно прошумели в 1944-м у опустелой розенберговской резиденции ленинградские танки.

По всему миру в 1944-м пронеслись вести о грандиозных прорывах и окружениях, свершенных Красной Армией в Белоруссии и Бессарабии. Одних немецких дивизий погребено в этих окружениях более пятидесяти.

Родине возвращены необозримые и ценные территории, где люди приобщаются к общенародному вдохновенному труду во имя победы над фашизмом. На этой земле не должно быть фашистских людоедов и поработителей – и не будет.

О, как трудится наш народ во имя своих великих и светлых целей! Он, как мать, выносил под сердцем победу, которая родится завтра. Он уберег это дорогое дитя в стуже заиндевелога и до беспамятства голодного Ленинграда; он пронес его сквозь холод, муки и огонь великой Московской битвы; он спас это дитя в последних дзотах Сталинграда, у самого обрыва над Волгой... Мы верили в победу, хотя бы были в окружении, хотя бы истекали кровью, хотя бы ночь была так черна, будто все звезды пропали в знак сочувствия и траура по горю России... Но она не сгибалась, наша советская родина, – она

выпрямлялась во весь свой исполинский рост – и мир увидел ее в 1944-м шагающей через Карпаты... Альпы уже слышат походный шаг сынов нашей страны – и 1945-й увидит наследников Суворова там, где когда-то проходили его чудо-богатыри.

Ничего не убоился советский человек. Он был в вечном бою и в вечной работе. Он нес в своей светлой душе, – как бы враг подло и гадко ни уродовал нашу землю, наши города и наши села, – чувство жизни, всегда торжествующей... Не черепа «СС», не смрад крематориев гестапо, а возрожденная прекрасная жизнь под синим небом 1944-го – вот что побеждает и победит!

Государство наше полно неисчерпаемых молодых сил, полно неисчислимой энергии. Мы ведем войну, несем на себе всю ее тяжесть уже четвертый год. Кто-то ждал, кому-то казалось: советская кривая пойдет вниз. Нет и снова нет!

Так было в прошлом... К концу 1916 года, когда был призван тринадцатый миллион мужчин, начался паралич [335] хозяйственного организма страны Россия зашаталась...

Великий народ наш падать не захотел. Он стряхнул с себя паразитов, порвал путы и пошел смело, семимильными шагами.

Россия шагать умеет!..

И пусть сегодня, в первый день 1945 года, в памяти нашей в ответ на слова вождя – «водрузить над Берлином знамя победы» – вспыхнут славные дела отцов, дедов и прадедов.

Русская армия брала Берлин в Семилетнюю войну.

Русская армия начала операцию против Берлина 26 сентября 1760 года. Двинутые силы включали в авангарде 5 казачьих, 3 гусарских, 2 гренадерских полка, 4 гренадерских батальона и 15 орудий. Главные силы включали 7 полков пехоты.

Штурм был назначен на 9 октября... Нервы немцев не выдержали, и в ночь на 9-е берлинский гарнизон начал отступление. Русские мгновенно начали бомбардировку и в 5 часов утра первые русские эскадроны ворвались уже на Королевскую площадь. Дивизия Панина с хода атаковала немецкие колонны, отступавшие к Шпандау, и в жестокой короткой схватке весь немецкий арьергард был разгромлен: 2 000 немцев было убито, 1 000 взята в плен. Захвачен был весь немецкий обоз, орудия и множество лошадей.

Берлин был взят. Захваченный гарнизон по документу о сдаче признавался военнопленным. Город платил 1 500 000 золотых талеров контрибуции. Оружейные, литейные и пушечные заводы Берлина и Шпандау были взорваны.

Известие о взятии Берлина вызвало в России огромное ликование. Ключи от германской столицы были доставлены в Санкт-Петербург и сданы на вечное хранение в Казанский собор. Ключи эти, кстати, по сей день хранит у себя Ленинград...

Будем же помнить об этом историческом примере. Родина указывает нам цель в Великой Отечественной войне: водрузить над Берлином знамя победы.

Новый 1945 год да будет свидетелем того, как приказ этот осуществит народ наш и его Красная Армия.

1 января 1945 года

[336]

1945

Илья Эренбург. 24 января 1945 года.

Трудно говорить о битве во время битвы. Будущий историк изучит освобождение Польши и сражение за Восточную Пруссию. Если нашим детям повезет, будущий Толстой покажет и душу молодого советского офицера, который сейчас умирает под зимними звездами. События разворачиваются настолько быстро, что от передовых частей отстают не только обозы, но и военные сводки. Московские зенитчики еще не знали такой страды: по пять салютов за день. Люди в тылу восторженно прислушиваются к названиям немецких городов, которые с трудом выговаривают русские дикторы, а люди на фронте, не задумываясь над названиями, преодолевая усталость, идут вперед с той стремительностью, которая присуща человеку, когда после долгого путешествия он подходит к дому. Это может показаться парадоксальным, но для каждого бойца «Берлин» звучит как «домой».

Когда летом Красная Армия нанесла немцам тяжелое поражение в Белоруссии, некоторые американские обозреватели объясняли победу русских слабостью немцев. Вряд ли эти обозреватели после арденнского интермеццо вернутся к старым мелодиям. Но что-нибудь они придумают. Прежде чем сказать о характере нашего нового наступления, я должен остановиться на характере наших старых недоброжелателей. Говорят, что американцы – реалисты. Читая статьи в некоторых американских газетах о Красной Армии, я начинаю в этом сомневаться. Забыли ли американские читатели, что мы – это «колосс на глиняных ногах»? Если не забыли, пусть спросят своих обозревателей, почему «тигры» бессильны перед глиной и как на глиняных ногах Россия [352] дошагала от Волги до Одера. Вполне вероятно, что американские читатели помнят также о том, что Москва должна была пасть осенью 1941 года. Как случилось, что обозреватели, писавшие о неизбежном падении Москвы, не переменяв даже для приличия своих подписей, стали писать о неизбежном падении Берлина. Почему, говоря о победе русских в Белоруссии, обозреватели уверяли, что германская армия разложилась, а говоря о ничтожном продвижении немцев в Бельгии, те же обозреватели уверяли, что германская армия весьма боеспособна? Почему, когда союзники в течение трех лет готовились к высадке в Европе, обозреватели объясняли это исключительно военными обстоятельствами, а когда Красная Армия, после трех с половиной лет ожесточенных боев, в течение трех месяцев готовилась к прорыву мощной германской обороны, это было, по словам обозревателей, «политикой»? Почему обозреватели, уверявшие в 1939 году, что мы якобы хотим завоевать мир, в 1944 году стали уверять, что мы из-за злостных побуждений не перейдем нашей государственной границы? Почему они обижаются, когда мы идем, обижаются, когда мы остаемся, и обижаются, когда мы снова идем? Можно подумать, что Красная Армия занята не разгромом Германии, а оскорблением некоторых американских обозревателей. На самом деле Красную Армию это мало интересует. Никакие статьи не помогут нам взять Кенигсберг на день раньше, чем мы сможем его взять, и не помешают нам прийти в Берлин именно тогда, когда мы туда придем. Если я остановился на американских обозревателях, то в интересах американских читателей: чтобы понять вздорность многих рассуждений о Красной Армии, не нужно нового Толстого, достаточно крупинки здравого смысла.

Немцы уверяют, что мы продвигаемся только благодаря численному превосходству. Это неправда. Мы превосходим теперь противника и в боевых качествах наших солдат, и в умении командования, и в технике. Мы теперь воюем лучше немцев, и, если взять одну нашу дивизию против одной немецкой, мы побьем немцев. А так как у нас против одной немецкой дивизии во многих местах две, то мы их бьем на редкость быстро.

Всем известно, какую роль сыграла и продолжает [353] играть в этом наступлении наша артиллерия. О качествах русских артиллеристов написано немало. Я хочу только еще раз подчеркнуть наше трезвое понимание войны. Немцы надеются на психологические эффекты, на театральные номера, они блефуют. Что такое различные «фау», как не отчаянная попытка психологической атаки? Мы не хотим ошеломить берлинских хозяек, мы предпочитаем уничтожить захватчиков. Энергию, силу, выдумку мы положили на создание мощной артиллерии, новых превосходных танков, добротной авиации. В небе мы тоже не жаждем эффектов, наши скромные штурмовики удивительно хороши при наступлении. У немцев была сильна оборона. Они знали, что наше наступление неминуемо, и если на том или ином участке мы обманули их бдительность, то все же германское командование сделало все, чтобы нас не пропустить. Однако мы прошли.

Некоторые американцы интересуются «степенью разложения» немецкой армии. Праздное занятие. Можно устраивать в Америке анкеты института общественного мнения: что делать с Гитлером или кто более верные жены – брюнетки или блондинки? Чтобы ответить даже на самый глупый вопрос, нужно подумать. А немецкие солдаты не думают. Они единодушно восклицают: «Хайль Гитлер!» – и столь же единодушно, попав в плен, кричат: «Гитлер капут!» Куда полезнее штурмовать немецкие города, чем иллюзорную немецкую душу. Германская армия, разумеется, не та, что в 1942 году. Мы видим среди пленных пожилых немцев и подростков. Но немцы отчаянно защищаются. Нужно их добить.

Я надеюсь, что американцы с присущей им любознательностью начнут изучать нашу страну. Пора оставить разговоры о том, что русские только потому побеждают, что русский солдат всегда бывал храбрым. Мы сейчас заняли в Восточной Пруссии места, где царская армия потерпела поражение. Прежде уверяли, будто русские умеют сражаться только на своей земле. Может быть, это и было верно по отношению к солдатам царской России. Теперь мы превосходно воюем за тридевять земель от родных лесов, в Карпатах, в городах Силезии, в Восточной Пруссии. Красная Армия не только хорошо оснащена, это современная армия, обогащенная опытом, с инициативой командиров [354] и бойцов, с разумной дисциплиной, которая равно ее предохраняет от рыхлости и от фашистского механического кретинизма. Наши генералы стали большими полководцами, сохранив демократичность и органическую связь с народом. Американский читатель спросит: «Почему вы расхваливаете себя?» Разумеется, у нас много недостатков, и мы их стараемся исправить. Если я говорю о достоинствах Красной Армии американским друзьям, то только из любви к ним: я хочу, чтобы они поняли законность наших побед. Чем раньше американцы усвоят, что мы сильная и вполне современная страна, что наши победы не случайные выигрыши, а плоды дерзаний и трудов, тем лучше будет и для нас, и для Америки, и для мира.

Бесспорно, у немцев еще имеются сильные оборонительные линии. Есть у них и резервы. Так что сидя в Нью-Йорке, незачем считать, сколько миль осталось пройти русским до Берлина: это не прогулка. Однако можно сказать, что наступление развивается достаточно хорошо. Я не знаю, что сейчас делает гаулейтер Восточной Пруссии, бывший наместник Украины Эрих Кох, но думаю, что его треплет сквозняк от Черняховского и Рокоссовского. Вторжение танков и пехоты в немецкую Силезию, может быть, еще более волнует Гитлера. Здесь Германия поражена в ее чувствительнейшем месте: это не конечности, а внутренности. Я приберег под конец направление Жукова, его танкистов и кавалерию. Может быть, это направление и менее тревожит немцев, поскольку войска

Жукова еще не вторглись в Германию, но оно должно особенно тревожить немецких генералов.

Четвертый год войны – это именно четвертый год, и я со всей прямоотой писал в одной из последних статей, что нацисты нам осточертели. Именно поэтому наши бойцы сейчас настроены хорошо: усталость придает им энергию. Я видел офицеров, которые накануне наступления молили выписать их из госпиталя. Американцы должны понять, что война для нас не спортивное состязание, мы очень много горя пережили от фашистов и не можем относиться к ним, как Дороти Томпсон. Мы идем на Берлин с твердой решимостью покарать злодеев. Будь то в Силезии, или в Восточной Пруссии, или в Чехословакии – повсюду нас гонит на запад оскорбленная совесть. И это позволяет [355] артиллеристам с боем проходить в день двадцать миль. Гитлер перебрасывает войска с запада. Это необходимо учесть. Гитлер объявил своим войскам: «Вы должны драться только на востоке, на западе наступления не будет – мы его сорвали». Это тоже необходимо учесть. Конечно, не мое дело обсуждать вопросы, которые должны обсуждать руководители союзных армий. Но так как я пишу это для американской газеты, а в американских газетах обсуждают военные вопросы такие же непосвященные, как я, то я хочу высказать мое простое мнение: если удар с запада дополнит удар с востока, война может кончиться куда раньше, чем это намечают различные почтенные комиссии. А я думаю, что американские женщины и мужчины ничего не будут иметь против этого.

1945

Борис Горбатов. В районах Берлина.

В Берлине наши войска захватили кинокопировальную фабрику. Мы были на ней. В ваннах с проявителем еще мокла пленка, на контрольном столе лежал ролик последней ленты. Это был последний выпуск кинохроники «Новости недели». Но самой главной «новости» этой исторической недели в нем не было: советские войска ворвались в Берлин и положили конец гитлеровской мрачной хронике.

Берлин окружен. Взят за глотку. Шаг за шагом, от дома к дому пробиваются к центру города наши бойцы. За Шпрее. К рейхстагу. К Тиргартену. С боем берутся дома, вокзалы, фабрики. Как водные рубежи, форсируются многочисленные городские каналы. Ожесточенный бой идет на улицах и в переулках, в воздухе, на земле и под землей - в берлинском метро.

Берлин основательно разрушен. Гигантские воронки на каждом шагу. Обугленный камень, развороченный бетон, сплюснутая арматура, битое стекло. И над всем этим – облака кирпичной пыли и дыма.

В кварталах, охваченных боем, жителей, естественно, не видно. Только кое-где из окна уже высунулся робкий белый флаг. Из окон – белый флаг, а с чердаков – беглый огонь. Но противоречия здесь часто нет. Еще сопротивляются фашистские дивизии. Бессмысленно, упорно, ожесточенно. Это агония загнанного в яму волка. Но мысль о бесполезности борьбы уже проникает в сознание многих немцев.

Мы хотим видеть жителей Берлина. Где они? Кто вывешивал белью флаги? [409]

В подворотне большого дома стоят женщины. Пожилые немки, они испуганно смотрят на нас.

— Что вы здесь делаете?

— Дышим, – отвечают они, – дышим воздухом.

Есть два Берлина, мы это увидели теперь своими глазами. Один – нанесенный на карту, вот этот, в котором мы деремся сейчас, разбитый американскими бомбами и русскими снарядами, другой – подземный, пещерный Берлин, в котором многие месяцы жили, спасаясь от бомбардировок, обыватели столицы. Мы побывали и в этом Берлине.

Подвалы. Бункера. Подземелья. Пещеры. Темно. Сыро. Душно. Тесно. Как сельди в бочке – люди, они сидят, скорчившись, поджав ноги, прикорнув на табуретке, прижавшись плечами друг к другу. Пожилые бюргеры и бюргерши, молодые женщины, дети, грудные младенцы и престарелые бабушки, которые все еще хотят жить.

— Это нам дал Гитлер, – усмехнувшись, сказал Вилли Вестфаль, ресторатор, – он обещал нам весь мир, а дал эту пещеру...

В этих подземельях и жил обыватель Берлина в долгие часы частых бомбардировок. Постепенно с верхних этажей перекочевывали сюда подушки, матрацы, детские кровати, примусы, сковородки, кастрюли. Постели с пуховиками сменились узкими нарами, паркетные полы – сырым цементом, люстры – коптилкой. Так сложился пещерный быт берлинского немца.

Несколько месяцев назад томми разбомбили в этом районе водокачку и электростанцию. Исчез свет, нет газа, нет воды, нет отопления.

Мы – не жестокие люди, но сознаемся: мы смотрели на этот пещерный быт без жалости и сочувствия. Мы вспоминали Ленинград в блокаде и Сталинград.

Это они, а не мы хотели войны, и они ее получили. Теперь они начинают понимать, что такое война. Война пришла на их землю. Война разворотила их быт, их квартиры, обжитые отцами и дедами, целыми поколениями приобретателей и стяжателей. Этот культ двухспальной постели, дешевых картинок в вишневых рамочках, гобеленов, люстр. Этот культ кухни, где на белых фарфоровых банках аккуратно написано: «соль», «перец», «кофе». Эти пригородные [410] дачи с бетонными дорожками, с яблонями в цвету, с ваннами в саду, с птичниками и крольчатниками.

Ограбив всю Европу, они жили хорошо. Они были довольны, пока война обогащала их. Они жили в чаду и дурмане побед. Они называли себя нацией солдат. В каждой квартире на почетном месте вы увидите две большие фотографии. На одной – глава фамилии с будущей женой в подвенечном платье, на другой – глава фамилии в солдатском мундире – кайзеровском, рейхсверовском или эсэсовском. В золоченых рамках висят снимки парадов, смотров, учений. В них обязательно присутствует глава фамилии.

Они разожгли войну. Теперь война жжет их – их землю, их города, их дачи и квартиры. И теперь они не хотят войны. Они вывесили детские пеленки, белые простыни и скатерти: сдаемся!

Обыкновенный берлинец – обыватель, лавочник, рабочий – действительно больше не хочет войны. Война проиграна, гитлеровская армия разгромлена, русские – в Берлине.

На переднем крае к нашей мощной звукоустановке подбегает взволнованная немка. Она слышит, как советский майор по радио обращается к немецким солдатам с требованием прекратить бессмысленное сопротивление. Она кричит:

— Позвольте мне сказать. Я хочу говорить с ними. Ей разрешают, и она горячо, взволнованно кричит в микрофон:

— Солдаты! Если меня слышит мой муж или мой брат, пусть он сейчас же прекратит войну. Это неправда, что русские убивают мирных жителей. Я немка, и это я вам говорю.

Мы говорили с ней и еще с десятком других берлинцев. Чего они хотят? Жить. Жить. Просто жить. Пусть будет скорее конец ужаса, порядок, покой.

Советские снаряды и англо-американские бомбы хорошо озонировали воздух. Пусть медленно, но уже начинает рассеиваться гитлеровский дурман. Горечь разочарования, позор поражения, ненависть к зло обманувшему их Гитлеру и страх за свою жизнь, за свое будущее – вот что испытывает сейчас средний немец. [411]

— Обман! Обман! Много лет обман! – горько говорит старик Эмиль Мюллер – шофер берлинского омнибуса.

Теперь они клянут Гитлера. Клянут громко, яростно, на все лады. Их не смущает близость переднего края. Борьба за Берлин еще не кончена, гитлеровские солдаты еще ожесточенно дерутся, переходят в контратаки, иногда отвоевывают отдельные дома, но и Эмиль Мюллер, и тысячи других уже знают, что все равно – капут, конец гитлеризму. Они открыто клянут Гитлера и охотно называют нам свои имена.

Было бы неверно представлять себе всех немцев как нечто единое и одинаковое. Единства нет. Одни еще сопротивляются, другие поднимают белые флаги. Одни сдаются в плен, другие переодеваются в штатское платье и стреляют в нас из-за угла. Только что на одной улице выстрелом в спину убит наш майор. Кто стрелял? Немец. Фашист. Но вот подходит к нам старик и поднимает над головой сжатый кулак: «Тот фронт!» Его зовут Карл Вентцель, и он только что освободился из тюрьмы, где сидел за попытку «ниспровергнуть нацистский строй». Он показывает нам документы. И он тоже – немец.

Подходит шестнадцатилетний парень Гарри Хикс.

— Я ненавижу Гитлера, – говорит он, блистая глазами, – он погубил Германию.

Этот мальчик – тоже немец. А другие мальчишки по подпольному телефону сообщают гитлеровским офицерам данные о наших КП. Все перемешалось сейчас в немецком народе, в сознании и в душе каждого немца. Он потрясен, раздавлен, перепуган, взбудоражен. Он понимает, что гитлеровская Германия кончилась, что начинается какое-то новое существование. Он хочет знать какое. И больше всего он хочет, чтобы скорее кончилась стрельба в Берлине и были объявлены приказы победителей о том, что будет дальше.

Эльза Хаугарт сказала нам:

— Немец состоит из мяса, костей и дисциплины. Немец любит приказы.

Когда в отвоеванных районах Берлина появились первые советские военные коменданты, а на стенах – первые ярко-зеленые объявления комендатуры и листовки к населению, – весь подземный Берлин выполз на улицы, немцы [412] огромными толпами трудились около объявлений. Толкались. Читали и перечитывали. Пересказывали соседям, обсуждали и еще раз читали:

«В связи с ложными утверждениями гитлеровской пропаганды о том, что Красная Армия имеет целью истребить весь немецкий народ, разъясняем: Красная Армия не ставит себе задачей уничтожение или порабощение немецкого народа, у нас нет и не может быть таких идиотских целей...»

Они читают это с удовлетворением.

«Призываем население поддерживать установленный режим и порядок, беспрекословно выполнять все указания властей».

Эти приказы и листовки внесли большое успокоение. Порядок устанавливается. Теперь немцы целыми днями толпятся в комендатуре. Они приходят сюда за справками, спрашивают, что можно и чего нельзя: можно ли запирать двери, переезжать из подвалов на верхние этажи, торговать? Все суют коменданту какие-то справки, паспорта, документы.

Приходят врачи из больницы. Открываются магазины, пекарни.

Берлинские немцы знают теперь, что будет суд над военными преступниками. Берлинские немцы знают, что Германия должна ответить за разрушения, причиненные фашистскими войсками нашей стране. Они знают, что будет порядок. Они видят, как по улицам Берлина ходят комендантские патрули с красной повязкой на рукаве – власть; у предприятий стоят часовые – порядок; по улицам идут бойцы, танки, пушки – сила. Они знают, что Берлин в кольце, что Штеттин пал, что англичане, американцы и русские на Эльбе. Они знают также, что исход борьбы решен. Да, исход борьбы решен! Правда, в центре города яростно и ожесточенно сопротивляются эсэсовские головорезы, нацистские преступники, которым нечего больше терять, и экзальтированные немки из женских батальонов Геббельса. Но часы их сочтены. Штурм цитадели гитлеровского мракобесия и разбоя близится к концу.

Апрель 1945 года

[413]

1945

Борис Горбатов. Капитуляция.

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года человечество вздохнуло свободно.

Гитлеровская Германия поставлена на колени.

Война окончена.

Победа.

Что может быть сильнее, проще и человечнее этих слов!

Шли к этому дню долгой дорогой. Дорогой борьбы, крови и побед. Мы ничего не жалели.

И вот он, вот этот день. Берлин в дымке, солнце над Темпельхофским аэродромом и высокое небо над головою – ждем появления самолетов в нем. Амфитеатром расположился огромный аэропорт. Его ангары разбомблены, здания сожжены. На бетонированном поле еще валяются разбитые «юнкерсы», под ногами – холодные, мертвые осколки бомб. Это поле – поле боя. Оно, как весь наш путь, – путь боев и побед. Сегодня оно будет полем встречи с друзьями и союзниками для того, чтобы вместе продиктовать свою волю побежденному врагу.

— Что же, Темпельхофский аэродром будет Компьенским лесом? – говорит кто-то.

Нет, это не Компьен. Компьена не будет. И Версаля не будет. И гитлеровского кошмара больше не будет никогда.

Ровно в двенадцать часов пятьдесят минут один за другим стремительно, красиво, словно линия, поднимаются в небо наши истребители. Они делают круг над аэродромом и уходят на запад, навстречу самолетам союзников. Спустя полчаса с аэродрома в городе Штендаль поднимаются пять «дугласов» и берут курс на восток. Почетным эскортом сопровождают их наши истребители. Два из них впереди.

В 14 часов на Темпельхофский аэродром в Берлине прибывают представители командования Красной Армии [431] во главе с генералом армии Соколовским. Затем в небе появляются «дугласы» с американскими и английскими опознавательными знаками. Самолеты слетаются и вот уже бегут по бетонной дороге.

Из самолетов выходят глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур В.Теддер, за ним генерал Карл Спаатс,

адмирал сэр Гарольд Бэрроу, офицеры английской и американской армии и флота, корреспонденты газет и кинооператоры.

Генерал армии Соколовский здоровается с главой делегации и представляет ему начальника гарнизона и коменданта Берлина, генерал-полковника Берзарина, генерал-лейтенанта Бокова. Американские и английские генералы и офицеры сердечно пожимают руки советских генералов и офицеров. Крепкое рукопожатие. Встреча союзников и победителей.

Из другого самолета выходят представители гитлеровского командования во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем. Они идут молча и хмуро. Они в своих генеральских мундирах, при орденах и крестах. Высокий худой Кейтель изредка поворачивает голову в сторону – там, в дымке, Берлин. Они проходят к машинам, ожидающим их. Сев в машину, фельдмаршал Кейтель тотчас же раскрыл папку и стал читать какой-то документ.

А по бетонным дорожкам аэропорта, мимо молодежавшего почетного караула советских воинов, идут победители – советские, американские, английские генералы и офицеры. Развешаются флаги союзных держав. Оркестр играет гимны. Церемониальным маршем, крепко вколачивая шаги в бетон, проходят русские воины. До чего же солнечно сейчас на душе у каждого!

* * *

Все чувствуют величие момента. Каждый понимает, что присутствует при акте, определяющем судьбу поколений. Глава делегации верховного командования экспедиционных сил союзников главный маршал авиации сэр Артур Теддер произносит перед микрофоном речь:

— Я являюсь представителем верховного главнокомандующего [432] Эйзенхауэра. Он уполномочил меня работать на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно рад, потому что я приветствую их в Берлине. Союзники на западе и востоке в результате блестящего сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь передать самое теплое приветствие с Запада – Востоку.

Начальник почетного караула полковник Лебедев сообщает эти слова воинам караула и провозглашает:

— За нашу победу – «ура»!

Могучее «ура» победителей гремит в поверженном Берлине.

Затем члены делегаций и все присутствующие на аэродроме отправляются в Карлсхорст – пригород Берлина, где должен быть подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Путь лежит через весь Берлин – через разрушенный, побежденный Берлин, через Берлин, штурмом взятый нашими войсками.

Поток машин несется по улицам германской столицы. Дорога расчищена, но на тротуарах лежат груды битого кирпича и мусора. Развалины – следы работы союзных летчиков и советских артиллеристов. Победители едут по Берлину. На перекрестках молча стоят жители города. Победители мчатся по Берлину, и вслед за ними следуют побежденные гитлеровские генералы, принесшие капитуляцию. О чем думают они сейчас, проезжая по улицам Берлина? Вспоминают ли плац-парады или последние дни крушения? Они посеяли ветер и теперь пожинают бурю.

Машины проходят под воздвигнутой нашими бойцами аркой победы. Над ней гордо развешаются три флага и надпись: «Красной Армии – слава!» Поток машин пронесется под аркой. Мелькают улицы, развалины, люди.

Вот, наконец, Карлсхорст. Карлсхорст – этот берлинский пригород — сегодня на наших глазах вошел в историю. Здесь могила гитлеровской Германии, здесь конец войне. Все здесь принадлежит истории. И это здание бывшего немецкого военно-инженерного училища, в котором состоялось подписание акта капитуляции. И этот зал офицерской столовой, эти четыре флага на стене – советский, американский, английский и французский – символ боевого сотрудничества. [433] И эти столы, покрытые серо-зеленым сукном, и все минуты этого короткого, но преисполненного глубокого волнения и смысла заседания – все это принадлежит истории. Хочется запечатлеть каждую минуту.

В зал входят Маршал Советского Союза Жуков, главный маршал британской авиации сэр Артур В.Теддер, генерал Спаатс, адмирал сэр Гарольд Бэрроу, генерал Делатр де Тассиньи и члены советской, американской, английской и французской делегаций.

Историческое заседание начинается. Оно очень недолго продолжалось. Немного людей присутствует в зале, немного слов произносится. Но за этими словами – долгие годы войны. Маршал Жуков на русском языке, а затем главный маршал авиации Теддер объявляют, что для принятия условий безоговорочной капитуляции пришли уполномоченные германского верховного командования.

— Пригласите сюда представителей германского верховного командования, – говорит маршал Жуков дежурному офицеру.

В зал входят немецкие генералы. Впереди идет генерал-фельдмаршал Кейтель. Он идет, стараясь сохранить достоинство и даже гордость. Поднимает перед собой свой фельдмаршальский жезл и тут же опускает его. Он хочет быть картинным в своем позоре, но дрожащие пятна проступают на его лице. Здесь, в Берлине, сегодня его последний «плац-парад». Вслед за ним входят генерал-адмирал фон Фридебург и генерал-полковник Штумпф. Они садятся за отведенный им в стороне стол. Сзади их адъютанты.

Маршал Жуков и главный маршал авиации Теддер объявляют:

— Сейчас предстоит подписание акта о безоговорочной капитуляции.

Немцам переводят эти слова. Кейтель кивает головой:

— Да, да, капитуляция.

Имеют ли они полномочия немецкого верховного командования для подписания акта капитуляции?

Кейтель предъявил полномочия. Документ подписан гроссадмиралом Деницем, уполномочивающим генерал-фельдмаршала Кейтеля подписать акт безусловной капитуляции. [434]

— Имеют ли они на руках акт капитуляции, познакомились ли с ним, согласны ли его подписать? – спрашивают маршал Жуков и маршал Теддер.

О капитуляции, только о капитуляции – полной, безоговорочной, безусловной, идет речь в этом зале сегодня.

— Да, согласны, – отвечает Кейтель.

Он разворачивает папку с документами, вставляет монокль в глаз, берет перо и собирается подписать акт. Его останавливает маршал Жуков.

— Я предлагаю представителям главного немецкого командования, – медленно произносит маршал Жуков, – подойти сюда к столу и здесь подписать акт.

Он показывает рукой, куда надо подойти фельдмаршалу.

Кейтель встает и идет к столу. На его лице багровые пятна. Но его глаза слезятся. Он садится за стол и подписывает акт о капитуляции. Кейтель подписывает все экземпляры акта. Это длится несколько минут. Все молчат, только трещат киноаппараты. В этом зале

сейчас нет равнодушных людей, нет равнодушных и во всем человечестве и тем более – в Советском Союзе. Это на нас обрушилась войной гитлеровская военная машина. Наши города жгли, наши поля топтали, наших людей убивали, у наших детей хотели украсть будущее.

Сейчас в этом зале гитлеровцев поставили на колени. Это победитель диктует свою волю побежденному. Это человечество разоружает зверя.

Фельдмаршал Кейтель подписал капитуляцию. Он встает, обводит взглядом зал. Ему нечего сказать, он ничего и не ждет. Он вдруг улыбается жалким подобием улыбки, вынимает монокль и возвращается к своему месту за столом немецкой делегации. Но прежде чем сесть, он снова вытягивает перед собой свой фельдмаршальский жезл, затем кладет его на стол. Акт о капитуляции подписывают генерал-адмирал фон Фридебург, генерал-полковник Штумпф.

Все это происходит молча, без слов. Слов уже не надо. Все нужные слова сказали Красная Армия и армии наших союзников. Теперь это только безусловная, безоговорочная капитуляция. Больше от гитлеровцев ничего не требуется. Немецкие уполномоченные молча подписывают акт. Затем акт подписывают маршал Жуков и главный маршал авиации сэр Артур Теддер. Вот подписывают акт также свидетели – [435] генерал Спаатс и представитель французской делегации генерал Делатр де Тассиньи.

Члены немецкой делегации могут покинуть зал.

Немецкие генералы встают и уходят из зала – из истории. Все присутствующие на этом историческом заседании радостно поздравляют друг друга с победой. Война окончена. Маршал Советского Союза Жуков жмет руку маршалу английской авиации Теддеру, генералу американской армии Спаатсу и другим генералам.

Победа! Сегодня человечество может свободно вздохнуть. Сегодня пушки не стреляют.

В ночь на 9 мая 1945 года